

**НАРОДЫ ЮЖНОЙ СИБИРИ
В СИСТЕМЕ ЭТНОКУЛЬТУРНЫХ И ВОЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ
В СЕВЕРНОЙ ЕВРАЗИИ В СРЕДНИЕ ВЕКА И НАЧАЛЕ НОВОГО ВРЕМЕНИ:
ОСНОВНЫЕ ПРОБЛЕМЫ И ЗАДАЧИ ИЗУЧЕНИЯ***

Народы Южной Сибири играли важную роль в этнокультурной и политической истории Северной Евразии в средние века и начале Нового времени. Именно в данном регионе возникло древнейшее на территории Сибири государство – Кыргызский каганат, который с 840 г. стал гегемоном в Северной Евразии. Народы региона оказали серьезное сопротивление монгольскому завоеванию в XIII в. Они создали высокоразвитые культуры, в том числе в домонгольское время со значительной ролью земледелия. Однако вплоть до настоящего времени многие аспекты их истории, археологии и этнографии не изучены, либо имеют противоречивые оценки у исследователей. В настоящей статье проведен анализ таких проблем, намечены основные направления их решения, что позволит определить вклад населявших регион народов в историю мировой цивилизации, уточнить многие из ныне существующих в науке представлений, в первую очередь, основанных на тезисе о культурно-цивилизационной отсталости населения данной территории.

Ключевые слова: Северная Евразия, Центральная Азия, Южная Сибирь, средние века, Новое время, этносы, культура, государственность, «кочевой мир», история, археология, этнография, роль в истории Евразии.

Регион, включающий горную систему Алтая и Саян, долины крупнейших сибирских рек – Оби и Енисея, является важным историческим центром Евразийского материка. Разные ландшафтные зоны Саяно-Алтая были населены различными по своему происхождению, этнической принадлежности, хозяйственным занятиям и образу жизни этносами, которым приходилось на протяжении многих веков контактировать и взаимодействовать между собой и с народами Центральной и Восточной Азии. В раннем средневековье именно Саяно-Алтай и сопредельные районы стали базой для формирования государственности ряда тюркоязычных этносов, создавших мощные империи, охватившие обширные пространства Евразии: Тюркские, Сеянто, Кимакский, Уйгурский и Кыргызский каганаты. Эти государства включали территории, населен-

ные не только кочевыми скотоводами, но и охотничьими племенами, а также центры городской и оседло-земледельческой культуры, в том числе собственные. Здесь широко использовались месторождения металлических руд. Все это способствовало перераспределению ресурсов, распространению технических новшеств, иных культурных достижений в периферийных районах Северной Евразии [Кляшторный, Савинов, 2005].

Центром и во многом источником процессов, формировавших эти факторы, являлись енисейские кыргызы, создавшие древнейшее на территории Сибири государство – Кыргызский каганат, просуществовавший фактически до начала XVIII в. Уже на ранней стадии своего существования (с 840 г.) это государство стало крупнейшим в Северной Евразии, обеспечив в своих границах

---

* Работа выполнена в рамках ГК № 14.740.11.0766 ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России».

долгий мир впервые в течение нескольких столетий – фактически вплоть до завоевательных походов Чингис-хана. Кыргызы и их государство оказали решающее воздействие на этнокультурные процессы в данном регионе в раннем и развитом средневековье [Очерки..., 2008].

В последующем, в процессе становления Великой Монгольской империи, подчинение енисейских кыргызов власти монголов заняло необычайно долгий для народов Евразии срок – с 1206 по 1295 г., сопровождаясь длительными периодами фактической независимости, добытой в ходе восстаний кыргызами в союзе с соседними народами. Они сохраняли элементы собственной государственности, даже находясь в последующем в вассальной зависимости от монгольских государств – империи Юань, Алтынханов и Джунгарского ханства. В период присоединения Сибири к России (в течение XVII – первых лет XVIII в.) в регионе шла почти непрерывная война – енисейские кыргызы оказались единственным народом в Сибири, который не удалось подчинить силовым путем. Территория Северного Присаянья в состав России была включена лишь после внезапного угона джунгарами в 1703 г. основной массы кыргызов за пределы Сибири [Там же]. Но наряду с военными столкновениями, русские власти в Сибири налаживали союзнические отношения с телеутскими княжествами, брали под свое покровительство коренное население, страдавшее от военных походов и поборов со стороны халха-монголов и джунгар. Включение Присаянья, Верхнего Приобья и Горного Алтая в состав Российского государства существенным образом изменило характер этнокультурных связей тюркских, кетских и самодийских этнических групп и дальнейшую направленность этнокультурного развития коренных народов Южной Сибири [Шерстова, 2005]. В формировании новых этносов, ставших непосредственными предками современных коренных народов региона, приняли участие и енисейские кыргызы, уцелевшие от угона или вернувшиеся в родные края [Очерки..., 2008. С. 251–255].

Культура енисейских кыргызов, часть элементов которой пронесена вплоть до Нового времени и органично включена в культуру современных народов региона, также

отличалась высокой степенью развитости и необычайной устойчивостью. Ее влияния или проявления в средние века прослеживаются на огромных территориях от Амура до Паннонии. Важнейшей особенностью их культуры был необычно быстрый переход от почти чисто кочевого хозяйства их предков на территории современной Монголии – гянгуней, к комплексному хозяйству с преобладающей ролью земледелия на территории бассейнов Среднего Енисея и Абакана и прилегающих землях, ставших ядром и этническим центром этой культуры, где и сосредоточено большинство археологических памятников всех этапов истории этого этноса. Китайские источники раннего и развитого средневековья, сообщающие сведения обо всех народах Южной Сибири и Центральной Азии, лишь для кыргызов называют земледелие в качестве главной отрасли культуры жизнеобеспечения, для остальных в таком качестве определяя кочевое скотоводство и охоту [Бичурин, 1950; Кюннер, 1961; Малявкин, 1974; 1989].

В целом перечисленные особенности исторического развития народов Южной Сибири, позволяющие говорить об определенной уникальности исторического развития данного региона и его населения, одновременно свидетельствуют о важности целенаправленного изучения протекавших здесь этнокультурных процессов, а также особенностей формирования самостоятельной государственности, сложения эффективной военной организации и особой формы этносоциальной иерархии, которые обеспечивали этническую устойчивость и функционирование государственных институтов на протяжении почти полутора тысячелетий. Решение данных научных вопросов представляет также несомненный научный интерес для понимания общих закономерностей этнокультурного развития в Северной Евразии в целом.

Интерес к этнокультурной истории Южной Сибири и соседних территорий в средние века и в Новое время впервые отчетливо проявился в отечественной науке еще в XVIII в., когда изучались сибирские летописи, реконструировалась последовательность исторических событий, относящихся ко времени включения этого региона в состав Российского государства. Уже в XIX в. был создан целый ряд фундаментальных трудов

по истории и этнографии, частично касающихся и проблем изучения исторического развития данного региона в средние века и последующий период. Однако в целом же, в это время были заложены лишь общие основы изучения истории региона, в том числе и средневековой. Анализ имеющихся материалов был длительное время ограничен изучением сведений, преимущественно, письменных источников, обособленно освещающих события в части районов Саяно-Алтая, что не способствовало целостному пониманию этнокультурных процессов в пределах всей изучаемой территории и не позволяло выявлять закономерности этнокультурного развития. О детализации проблем средневековой истории региона для данной стадии изучения, конечно, говорить не приходилось [Борисенко, Худяков, 2005].

В дальнейшем, уже XIX в., трудами И. Г. Спасского, А. П. Степанова, И. Пестова, Н. С. Шукина, Н. А. Кострова, финского ученого М. А. Кастрена, Е. К. Яковлева, А. Кузнецовой и П. Кулакова, А. Ярилова, Д. Е. Лаппо и иных исследователей были изучен ряд более частных вопросов, преимущественно относящихся к современному положению коренного населения, однако затрагивающих и проблемы истории общественно-политического развития и возникновения государственности у народов Южной Сибири (последний по времени историографический анализ исследований названных авторов дан в 2008 г., см: [Очерки..., 2008]).

Археологическое изучение территории Южной Сибири, включая памятники средневековья и начала Нового времени, также началось очень рано – еще в первой половине XVIII в. Так, немецкими учеными Д.-Г. Мессершмидтом, Г. Ф. Миллером и И. Г. Гmeliным зарисовывались каменные изваяния, копировались рунические надписи, описывались результаты раскопок бугровщиками средневековых курганов. В 60-е гг. XIX в. началось и целенаправленное археологическое изучение этого исторического периода – В. В. Радловым на р. Абакан были раскопаны первые погребальные объекты средневековых кыргызов, а на р. Чердат – могилы жителей русских ясачных волостей XVII в.. В 80-е гг. XIX в. из общей массы археологических объектов А. В. Адриановым [1886; 1888] и Д. А. Клеменцем [1886] были выделены и памятники

эпохи чаа-тас. Однако в связи с малым количеством введенных в научный оборот письменных источников, не выделенностью большинства средневековых археологических памятников из общего комплекса археологического наследия, с учетом господства скотоводства у местного современного населения на территории Южной Сибири и Центральной Азии, именно с этого времени трудами перечисленных выше авторов XIX в. в сибиреведении зародилась не преодоленная до сих пор традиция считать данный регион частью кочевого мира Центральной Азии.

С этого же времени и в последующем – вплоть до начала XX в., в историографии существовала также практика изучения коренных жителей Минусинской котловины как явления исключительно современного, т. е. группы населения, сформировавшейся уже в русское время. Лишь в работе Н. Н. Козьмина 1925 г. «Хакасы» впервые была сделана попытка проследить их преемственную связь с енисейскими кыргызами [Козьмин, 1925]. Однако сама история енисейских кыргызов в первой половине XX в., в том числе одним из крупнейших отечественных историков С. В. Бахрушиным, рассматривалась лишь по данным письменных источников русского происхождения; соответственно, ее изучение не уходило глубже начала XVII в. и осуществлялось в полном отрыве от истории их средневековых предков [Бахрушин, 1955]. Одновременно в исследованиях данного периода наличие элементов государственности у кыргызов в XVII в. не подчеркивалось, хотя невольно и приводилось значительное количество свидетельств ее существования (наличие верховного правителя – Кочебай, Ишей, Ереняк, Шорло, разделение всей страны на 4 отдельные административные единицы, функционирование налоговой системы, суда и т. д.). Более того, с середины XX в. (в первую очередь, в связи с трудами Л. П. Потапова) в историографии дополнительно возобладала тенденция отрицать наличие государственности у позднесредневековых кыргызов, подчеркивая факт нахождения их, а также ряда соседних народов, в прямой политической зависимости от монголов Алтын-хана, а с 1666 г. от джунгар [Потапов, 1952; 1953; 1957; 1969].

Вместе с тем введение в научный оборот в XIX – середине XX в. большого количества средневековых письменных источников

китайского, среднеазиатского, ближневосточного и западно-европейского происхождения [Бичурин, 1950; Кюнер, 1961; Малявкин, 1974; 1989; Йакут, 1988; Джованни..., 1997; Рашид ад-Дин, 2002; Шильтбергер..., 2008¹], переводов рунической письменности [Малов, 1952], существенные дополнения сведений русских документов XVII–XVIII вв. сообщениями западно-европейских, русских и иных авторов того же времени [Алексеев, 1932; Крашенинников, 1966; Идес, Бранд, 1967; Зиннер, 1968; Златкин, 1964], уверенное выделение из общей массы археологических памятников Южной Сибири и Центральной Азии собственно средневековых и их масштабные раскопки, давшие в распоряжение исследователей очень яркие материалы (включая подтверждения высокого уровня развития государственных институтов, например, из Копенского чаа-таса) [Евтюхова, Киселев, 1940; Евтюхова, 1948], остро поставили вопрос о преодолении ряда противоречий в истории региона, в первую очередь связанных с резким контрастом между малой численностью, односторонне развитым хозяйством и приниженным политическим положением коренного населения в позднем средневековье и начале Нового времени и его яркой и насыщенной историей в раннем и развитом средневековье.

Привлечение сведений китайских династических хроник позволило достоверно сопоставить изученные памятники с культурами конкретных средневековых народов Южной Сибири. В результате появился целый ряд различного вида публикаций, где достаточно объективно рассматривались многие из этих проблем [История Тувы, 1964; Вайнштейн, 1966; История Сибири..., 1968; Кызласов, 1969; 1981]. В завершённом виде данный процесс впервые нашел свое отражение в коллективном труде «История Хакасии» [1993], начатом еще в 60-е гг. и завершённом в начале 90-х. Одним из ведущих ученых этого времени – Л. Р. Кызласовым, внесшим наибольший вклад в изучение средневековой истории Южной Сибири, Саяно-Алтайский регион в этом труде впол-

не объективно был отнесен к одному из средневековых очагов земледельческой цивилизации в Северной Евразии. Им также достаточно обоснованно описывалось наличие зачатков государственности у его населения еще в таштыкскую эпоху, существование городских центров и институтов развитой государственности на протяжении всего домонгольского средневековья [Там же. С. 39–113].

Однако Л. Р. Кызласовым и иными представителями данного направления в историографии все совокупное коренное население Северного Присаянья на протяжении средних веков и Нового времени не совсем правомерно представлялось как монолитное и неизменное этнокультурное образование, напрямую связанное с раннесредневековой общностью, несколько догматично определялись конкретная принадлежность средневековых этнонимов и их связь с позднесредневековыми этносами. Кроме того, допускались ошибки в определениях религиозной принадлежности населения Южной Сибири в домонгольское время (преувеличение степени распространения манихейства), не достаточно обоснованно менялись оценки функционального назначения средневековых построек, давались противоположные оценки последствий включения населения региона в состав России и т. д. [История Хакасии..., 1993; Кызласов, 1984; 1992; 1996; 1999].

Тем не менее, как и до выхода «Истории Хакасии», в 90-е гг. XX в. продолжала существовать неправомерная тенденция отрицания прямой связи современного населения Южной Сибири со средневековыми енисейскими кыргызами, наиболее ярко выраженная в работе Л. И. Шерстовой – ею современные хакасы представлены как отороченные качинцами мелкие группы разноэтнического и разноязычного, не кыргызского населения [Шерстова, 2005]. При этом подобное видение этнокультурной ситуации в регионе предлагается принять при наличии прямых (опубликованных) фактов, показывающих существование у непосредственных потомков енисейских кыргызов, проживающих в настоящее время в провинции Хэйлуунцзян (КНР), точно таких же родов (записано С. Г. Скобелевым в 1990 г.) [Чжан Тайсян и др., 1993], как и у современных хакасов.

¹ См. также: Шильтбергер И. Путешествие по Европе, Азии и Африке с 1394 по 1427 год // Восточная литература. URL: <http://www.vostlit.narod.ru/> (дата обращения 03.02.2008).

Последние по времени выхода работы, касающиеся обобщения основных результатов изучения истории Южной Сибири, включая и средневековье, представлены преимущественно в виде коллективных монографий [Бутанаев, Худяков, 2000; История Тувы, 2001; Бутанаев, 2003; Бутанаев, Монгуш, 2005; Кляшторный, Савинов, 2005; Очерки..., 2008; Васютин, Дашковский, 2009]. К чести их авторов следует отметить диалектический подход относительно проблемы преемственности современного и средневекового населения региона. Так, удалось избежать рассмотрения его как застывшего единого этноса с раннего средневековья и до наших дней, т. е. преодолеть настроения в определенной мере националистического характера. Одновременно на конкретных фактах показана и несостоятельность историографической позиции (идушей преимущественно от Л. П. Потапова и в обновленном виде представленной Л. И. Шерстовой), предлагающей считать современное коренное население этносами, искусственно сформировавшимися уже в русское время и к основной массе средневекового населения прямого отношения не имеющими. В результате к настоящему времени в историческом сибиреведении Саяно-Алтай относится к числу территорий, изученных в наибольшей степени полноты.

Относительно археологической составляющей современного этапа истории изучения средневековой Южной Сибири следует сказать, что с середины XX в. и по настоящее время выполнен очень крупный объем как раскопочных, так и работ аналитического характера. Труды А. Н. Бернштама, С. В. Киселева, А. А. Гавриловой, А. Абдыкалыкова, Л. Р. и И. Л. Кызласовых, М. П. Грязнова, В. П. Дьяконовой, Р. В. Николаева, Д. Г. Савинова, Ю. С. Худякова, Г. В. Длужневской, О. Б. Беликовой и других авторов [Бернштам, 1946; Киселев, 1949; Гаврилова, 1965; Абдыкалыков, 1968; Кызласов Л. Р., 1969; 1981; 1984; 1992; 1999; Кызласов, Король, 1990; Николаев, 1972; 1982; Дьяконова, 1975; Кызласов И. Л., 1980; 1983; Грязнов, Худяков, 1979; Савинов, 1990; 1984; 1994; Худяков, 1980; 1982; 1986; 1991; 1995; 1997; 2000; 2002а; 2002б; 2002в; 2004; Худяков, Баяр, 1992; Худяков, Скобелев, 1984; Плотников, 1981; Длужневская, 1982; Овчинникова, 1990; Беликова, 1996; Грач и др., 1998; Скобелев, 1990;

1999; 2003; 2005; 2006а; 2006б; 2006в; 2006г; 2007а; 2007б; 2007в; 2009; 2010а; 2010б; Skobelev, 2002; Скобелев, Мандрыка, 1999; Скобелев, Выборнов, 2006; 2009; Скобелев, Митько, 2007; Скобелев, Рюмшин, 2010; Кубарев, 2005; Митько, 1994; 2009; Борисенко и др., 2000; Борисенко, Худяков, 2005; Выборнов и др., 2003; Нечипоренко, Скобелев, 2003; Нечипоренко и др., 2004; 2005; Илюшин, 2005; Тишкин, 2009; Бобров и др., 2010] накоплен очень большой объем материалов (вещественных, архитектурных, мировоззренческих, антропологических и т. д.) по всем этапам истории региона в средние века, включая также мало изученное до последних лет археологически позднее средневековье и начало Нового времени. Этими и иными авторами широко изучались как погребальные, так и поселенческие и изобразительные памятники, детально исследовались архивные и музейные фонды, осуществлялись работы классификационного характера. Большинство изученных объектов, а также предметов из музейных собраний, получили исчерпывающие и объективные определения как этнокультурной, так и хронологической принадлежности. В археологическом отношении наиболее полно изучены оружие и военное дело, конское снаряжение населения Южной Сибири и Центральной Азии [Худяков, 1980, 1997; Борисенко, Худяков, 2008; Бобров, Худяков, 2008; Выборнов, 2008].

Однако и в данных трудах решены не все вопросы изучения средневековой истории региона. Можно привести ряд крупных примеров наличия у енисейских кыргызов ярких особенностей хозяйства, общественных отношений и культуры, не нашедших адекватного отражения в результатах научных исследований. В частности, причины возникновения государственности здесь, необычной устойчивости в последующем ее основных институтов, непрерывного с раннего средневековья развития на одной и той же территории яркой и самобытной культуры населения с феноменом земледелия фактически не затрагивались. Сравнительные характеристики относительно данных аспектов развития с населением соседних территорий не проводились даже применительно к отдельным историческим периодам. Изучение истории данного региона велось по обычной схеме, не отличающейся по постановке цели и задач от исследований не-

которых соседних территорий, где государственность возникла значительно позже либо вовсе не существовала, за время существования культуры енисейских кыргызов неоднократно менялся этнический состав населения и где действительно в хозяйстве господствовали кочевое скотоводство либо охота. В домонгольский период они были единственным народом Южной Сибири и Центральной Азии, у которого земледелие, начиная с раннего средневековья, реально являлось преобладающей формой хозяйства, однако традиционно территорию их проживания и сам этнос неправоммерно, исходя из действительно имевшего место факта ведения ими кочевого хозяйства на самых ранних этапах своей истории и во времена включения в состав Русского государства, относили и относят вплоть до настоящего времени к кочевому миру.

В собственно археологической составляющей имеется еще целая группа исследовательских проблем общего характера. В частности, как показывает анализ историографии, слабо или недостаточно полно решен такой крупный вопрос, как характеристика роли населения культур хунно-сяньбийского времени в сложении средневековых этносов на данной территории. Например, у енисейских кыргызов существовал не выявленный у их соседей обычай изготовления votивных предметов погребального инвентаря, истоки которого можно объяснить живучестью на данной территории традиций таштыкской культуры, но конкретный вклад ее населения как в формирование культуры, так и демографию кыргызского этноса вообще не ставился в качестве отдельной научной задачи. Кыргызы были единственным тюркоязычным народом, сохранившим обряд кремации умерших на протяжении всей своей сибирской истории, однако причины такого уникального явления убедительного объяснения на фоне повсеместного перехода остальных тюрков на обряд ингумации еще в раннем средневековье не получили. До сих пор не созданы общепринятые оптимальные критерии периодизации средневековых археологических культур – на фоне высокой степени изученности средневековой археологии региона факт поразительный. Современная археологическая периодизация культуры населения региона в своем роде уникальна

для Сибири и Центральной Азии, поскольку до сих пор строится сразу на трех принципах – выделении культур (чаа-гас, тюхтятская и аскизская) [Кызласов Л. Р., 1981; Кызласов И. Л., 1983], выделении исторических эпох (чаа-гас, Великодержавия и сууктэр) (см.: [Худяков, 1982] и др.) и принципе географической распространенности (этап развития в пределах бассейна Среднего Енисея, этап распространения в Саяно-Алтае и Центральной Азии) [Длужневская, 1982].

К числу более узких относится целый ряд разноплановых проблем. Так, существует несколько точек зрения на время выхода в Минусинскую котловину непосредственных предков кыргызов – гяньгуней. Не имеется единого мнения о регионе расположения известного по письменным источникам владения Цигу – первого протогосударственного объединения, уверенно связываемого с кыргызами. Отсутствуют объяснения причин отсутствия в закрытых комплексах раннего и развитого средневековья земледельческого инвентаря, убедительно не интерпретированы многочисленные случайные находки на территории региона сельскохозяйственных орудий (в том числе явно местного производства). Археологические исследования последних лет выявили в составе погребальных комплексов енисейских кыргызов эпохи чаа-гас значительное количество монет, но о возможности наличия настоящего денежного обращения у них в конце раннего и начале развитого средневековья в литературе даже не упоминается (по умолчанию предполагается, что предположение к этому не имелось даже в эпоху Великодержавия). Не установлен факт производства здесь длинноклинкового оружия несмотря на значительное число этих находок. Не проведены классификации целого ряда предметов вещевого инвентаря (инструментария, украшений) и т. д. Средневековые поселенческие памятники (например, на р. Абакан) на разных этапах изучения интерпретировались по-разному – и как резиденция кагана, и как культовые объекты. Имеются разные мнения по поводу хронологии изображений, интерпретируемых как образ богини плодородия Умай. Слабо известен вещевой состав памятников позднего средневековья. После работ К. М. Патачакова [1958; 1982], к сожалению, до сих пор не

создано подобных детальных описаний хозяйства коренных жителей XVII–XVIII вв., где бы в дополнение к этнографическим использовались и материалы археологического происхождения.

Необходимо указать также, что в некоторых научных публикациях 90-х гг. и современной публицистике в национальных республиках прослеживается определенная тенденция оценивать последствия включения этой территории в XVII–XVIII вв. в состав Российского государства априорно негативно с точки зрения последующего этнокультурного развития современных тюркоязычных народов Саяно-Алтая. Подобные оценки опираются, в том числе, на некритический анализ характера средневековых культур, неоправданные попытки завышения уровня развития социально-экономических отношений у предков современных этносов даже в позднемонгольское время, а также пристрастные оценки исторических событий и процессов начала Нового времени [Кызласов Л. Р., 1992; 1996]. Искусственное завышение уровня развития позднесредневековых культур способствует принижению значения позитивных изменений, произошедших у коренных народов региона под влиянием контактов с русским населением.

История и этнокультурные особенности развития этносов и этнических групп Южной Сибири, относившихся к различным культурно-хозяйственным типам, выражены в сохранившихся многочисленных и достаточно информативных письменных, археологических и иных источниках, сведения которых могут быть дополнены этнографическими материалами и сопоставлены между собой. Это повышает вероятность успешного решения рабочих задач, обоснованность и достоверность их результатов. В целом же для достижения обозначенной выше цели необходимо провести исследования по ряду актуальных направлений в области археологии, этнографии и истории:

- продолжить анализ развития представлений об общественно-экономическом и культурном развитии народов Южной Сибири и прилегающих территорий Центральной Азии в средние века и начале Нового времени в отечественной и зарубежной историографии;
- осуществить реконструкцию этнокультурных процессов в регионе, привед-

ших к сложению как кыргызского, так и соседних этносов, в том числе их культурных особенностей;

- выявить причины высокой степени устойчивости этнокультурных особенностей и элементов государственности у енисейских кыргызов, в том числе в периоды нахождения под властью других государств (Тюркских каганатов, Сеяньто, Уйгурского каганата, Великой Монгольской империи и Империи Юань, монгольских государств в позднем средневековье и начале Нового времени);

- дать сравнительную характеристику уровня развития производительных сил в целом у различных групп населения Южной Сибири и прилегающих районов Центральной Азии в раннем средневековье с точки зрения соответствия определенным уровням общественных отношений и элементам государственности;

- провести оценки адекватности государственным институтам конкретных явлений в общественно-политической жизни населения Северного Присаянья в изучаемый период с целью определения реально возможного времени возникновения Кыргызского каганата;

- выявить предпосылки перехода от кочевого скотоводства к земледелию, а также установить причины высокого уровня развития земледелия у населения Северного Присаянья в раннем и развитом средневековье, охарактеризовать процессы, приведшие к его угасанию в позднем средневековье;

- дать оценку уровня развития экономического базиса Кыргызского каганата, в том числе в аспекте обеспечения поддержания в IX–XII в. кыргызского Великодержавия в Центральной Азии;

- определить основные характеристики военной организации, выявить пути и формы развития военного дела у народов Южной Сибири и Центральной Азии, их вклада в совершенствование оружия, тактики и стратегии войн в средние века и Новое время;

- выявить роль внешних влияний в развитии у населения Южной Сибири основных форм хозяйства, государственных институтов, военного дела, религиозных представлений;

- определить уровень развития торговых и культурных связей со странами Среднего и Дальнего Востока, степень распро-

странения культурных достижений и мировых религий среди населения Саяно-Алтая на протяжении средних веков и начала Нового времени;

- установить функциональную принадлежность поселенческих памятников региона, этнокультурную и хронологическую принадлежность погребальных объектов, конкретных категорий археологического инвентаря;

- выявить и охарактеризовать суть последствий включения населения региона в состав монгольских государств в XIII–XVIII вв., сравнить эти результаты с последствиями включения в состав России.

Важнейшим направлением в деятельности такого рода и одним из главных результатов обязано стать также пополнение фонда археологических и этнографических источников по указанной теме, в том числе и в виде проведения полевых исследований на территории региона. Особое внимание при этом важно уделить периоду позднего средневековья и начала Нового времени, поскольку на данной территории сравнительно с ранним и развитым средневековьем изучено лишь небольшое число погребальных и единственный поселенческий памятник коренных жителей этого периода.

В целом, как показал проведенный краткий историографический анализ, к настоящему времени трудами целого ряда поколений исследователей создана хорошая основа для решения актуальной проблемы исторического сибиреведения, заключающейся в определении основных факторов и закономерностей, позволивших народам Южной Сибири стать генератором государственности в Северной Азии, создать самостоятельные государственные образования, игравшие на протяжении длительного периода (с раннего средневековья и по начало Нового времени) важную роль в системе этнокультурных и военно-политических отношений не только в Центральной Азии, но и на ряде прилегающих территорий Евразии.

Выбор хронологических рамок для такой работы определяется временем существования собственной государственности у населения Южной Сибири – с V–VI (между 460 и 552 гг.) и по начало XVIII в. (для ряда районов Алтая – по середину XVIII в.). Таким образом, нижняя граница изучаемого периода – предположительное время сложе-

ния Кыргызского каганата, а верхняя – вхождение к концу 50-х гг. XVIII в. большей части территории Южной Сибири в состав России.

Исследования на современном научном уровне по указанным направлениям позволят выявить и охарактеризовать основные закономерности этнокультурного развития, установить главные компоненты материальной культуры (комплекс хозяйства, особенности земледелия, скотоводства и металлообработки, роль охоты, рыболовства и собирательства, соответствие им инструментария, промыслового инвентаря), оценить уровень общественной и военной организации (состояние производительных сил, формы обеспечения изытия и реализации добавочного продукта, характер формирования этносоциальной иерархии, особенности возникновения и функционирования государственных институтов, комплекс вооружения и военного дела в целом, степень мобилизационных возможностей) населения Южной Сибири и прилегающих территорий, ускорявшие процессы формирования государственности в раннем средневековье и обеспечивающие их функционирование вплоть до начала Нового времени. Важной составной частью результатов работы станет и изучение культурных взаимоотношений (в том числе в сфере духовной культуры) в регионе Южной Сибири и Центральной Азии (тюркских, кетских и самодийских этносов и этнических групп с монгольскими народами и русским населением). Общими результатами выполнения проекта в сфере фундаментальной науки станут создание целостной картины развития Южносибирско-Центральноазиатского региона, определение вклада населявших его народов в историю мировой цивилизации, уточнение многих из ныне существующих в науке представлений, в первую очередь, основанных на тезисе о культурно-цивилизационной отсталости населения региона.

Список литературы

Абдыкалыков А. Енисейские киргизы в XVII веке. Фрунзе: Изд-во «Илим», 1968. 140 с.

Адрианов А. В. Путешествие на Алтай и за Саяны, совершенное летом 1883 г. по по-

ручению Императорского Русского Географического общества и его Западно-Сибирского отдела членом-сотрудником А. Адриановым // Записки Западно-Сибирского отдела Императорского Русского географического общества. Омск, 1886. Кн. 8, вып. 2. 165 с.

Адрианов А. В. Путешествие на Алтай и за Саяны, совершенное в 1881 году членом-сотрудником А. В. Адриановым // Записки Русского географического общества по общей географии. СПб., 1888. Т. 2. 381 с.

Алексеев М. П. Сибирь в известиях западноевропейских путешественников и писателей. Введение, тексты и комментарий. Иркутск: Крайгиз, 1932. Т. 1: XIII–XVII вв. 368 с.

Бахрушин С. В. Енисейские киргизы в XVII в. // Бахрушин С. В. Научные труды. М., 1955. Т. 3, ч. 2: История народов Сибири в XVI–XVII вв. С. 176–234.

Беликова О. Б. Среднее Причулымье в X–XIII вв. Томск: Изд-во Томск. ун-та, 1996. 272 с.

Бернштам А. Н. Социально-экономический строй орхоно-енисейских тюрок VI–VIII веков. Восточно-Тюркский каганат и киргизы // Тр. Института востоковедения. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1946. Т. 45. 210 с.

Бичурин Н. Я. (Иакинф) Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена: В 3 т. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1950. 1049 с.

Бобров Л. А., Борисенко А. Ю., Худяков Ю. С. Взаимодействие тюркских и монгольских народов с русскими в Сибири в военном деле в позднее Средневековье и Новое время: Учеб. пособие. Новосибирск, 2010. 288 с.

Бобров Л. А., Худяков Ю. С. Вооружение и тактика кочевников Центральной Азии и Южной Сибири в эпоху позднего средневековья и Нового времени (XV – первая половина XVIII в.) / Под ред. В. П. Никонорова. СПб., 2008. 776 с.

Борисенко А. Ю., Скобелев С. Г., Худяков Ю. С. Основные проблемы изучения культуры древних тюрок в Центральной Азии // Памятники древнетюркской культуры в Саяно-Алтае и Центральной Азии. Новосибирск, 2000. С. 7–26.

Борисенко А. Ю., Худяков Ю. С. Изучение древностей Южной Сибири немецкими учеными XVIII–XIX вв. Новосибирск, 2005. 270 с.

Борисенко А. Ю., Худяков Ю. С. Изображения воинов на торовитке тюркских кочевников Центральной Азии раннего средневековья // Археология, этнография и антропология Евразии. 2008. № 4 (36). С. 43–53.

Бутанаев В. Я. Бурханизм тюрок Саяно-Алтая. Абакан: Изд-во Хакас. гос. ун-та, 2003. 260 с.

Бутанаев В. Я., Монгуш Ч. В. Архаические обычаи и обряды саянских тюрок. Абакан: Изд-во Хакас. гос. ун-та, 2005. 200 с.

Бутанаев В. Я., Худяков Ю. С. История енисейских киргизов. Абакан: Изд-во Хакас. гос. ун-та, 2000. 272 с.

Вайнштейн С. И. Некоторые вопросы истории древнетюркской культуры (в связи с археологическими исследованиями в Туве) // СЭ. 1966. № 3. С. 60–81.

Васютин С. А., Дашковский П. К. Социально-политическая организация кочевников Центральной Азии поздней древности и раннего средневековья (отечественная историография и современные концепции). Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 2009. 400 с.

Выборнов А. В. Снаряжение верхового коня у коренного населения Среднего Енисея в позднем средневековье (XIII – начало XVIII веков): Дис. ... канд. ист. наук. Новосибирск, 2008. 195 с.

Выборнов А. В. Реконструкция конского снаряжения населения Среднего Енисея позднего средневековья – начала Нового времени // Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Серия: История, филология. 2009. Т. 8, вып. 5: Археология и этнография. С. 245–251.

Выборнов А. В., Нечипоренко В. Н., Скобелев С. Г. Новая разновидность погребального обряда на среднем Енисее в позднем средневековье – начале Нового времени // Археология Южной Сибири и Центральной Азии позднего средневековья. Новосибирск, 2003. С. 46–58.

Гаврилова А. А. Могильник Кудыргэ как источник по истории алтайских племен. М.; Л.: Наука, 1965. 145 с.

Грач А. Д., Савинов Д. Г., Длужневская Г. В. Енисейские киргизы в центре Тувы (Эйлиг-Хем III как источник по средневековой истории Тувы). М.: Фондамент-Пресс, 1998. 84 с.

Грязнов М. П., Худяков Ю. С. Кыргызское время // Комплекс археологических

памятников у горы Тепсей на Енисее. Новосибирск, 1979. С. 146–159.

Карпини Д. П. История монгалов. Гильом де Рубрук. Путешествие в восточные страны. Книга Марко Поло. М.: Мысль, 1997. 460 с.

Длужневская Г. В. Памятники енисейских кыргызов за Саянами // Археология Северной Азии. Новосибирск, 1982. С. 122–131.

Дьяконова В. П. Погребальный обряд тувинцев как историко-этнографический источник. Л.: Наука, Ленингр. отд-ние, 1975. 164 с.

Евтюхова Л. А. Археологические памятники енисейских кыргызов (хакасов). Абакан, 1948. 109 с.

Евтюхова Л. А., Киселев С. В. Чаатас у с. Копены // Тр. Гос. исторического музея. М., 1940. Вып. 11. С. 21–54.

Зиннер Э. П. Сибирь в известиях западноевропейских путешественников и ученых XVIII века. Иркутск: Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1968. 247 с.

Златкин И. Я. История Джунгарского ханства (1635–1758). М.: Наука, 1964. 470 с.

Идес И., Бранд А. Записки о русском посольстве в Китай (1692–1695). М.: Гл. ред. вост. лит., 1967. 404 с.

Илюшин А. М. Этнокультурная история Кузнецкой котловины в эпоху средневековья. Кемерово: КузГТУ, 2005. 240 с.

История Сибири. Древняя Сибирь. Л.: Наука, 1968. Т. 1. 454 с.

История Тувы. М.: Наука, 1964. Т. 1. 346 с.

История Тувы: В 2 т. 2-е изд., перераб. и доп. / Под ред. С. И. Вайнштейна, М. Х. Маннай-оола. Новосибирск: Наука, 2001. Т. 1. 367 с.

История Хакасии с древнейших времен до 1917 года. М.: Наука, 1993. 525 с.

Йакут ал-Хамави. «Му'джам ал-булдан» // Материалы по истории Средней Азии и Центральной Азии X–XIX вв. Ташкент: Фан, 1988. С. 76–90.

Крашенинников С. П. в Сибири. Неопубликованные материалы. М.; Л.: Наука, 1966. 241 с.

Киселев С. В. Древняя история Южной Сибири // МИА. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1949. № 9. 364 с.

Клеменц Д. А. Древности Минусинского музея: памятники металлических эпох. Ат-

лас. Томск: Тип. Сибирской газеты, 1886. 182 с.

Кляшторный С. Г., Савинов Д. Г. Степные империи древней Евразии. СПб., 2005. 346 с.

Козьмин Н. Н. Хакасы: историко-этнографический и хозяйственный очерк Минусинского края. Иркутск: Изд-во Иркут. секции науч. работников Рабпроса, 1925. 184 с.

Кубарев Г. В. Культура древних тюрок Алтая (по материалам погребальных памятников). Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2005. 400 с.

Кызласов И. Л. Аскизские курганы на горе Самохвал (Хакасия) // Средневековые древности евразийских степей. М., 1980. С. 135–164.

Кызласов И. Л. Аскизская культура Южной Сибири X–XIV вв. // САИ ЕЗ-18. М.: Наука, 1983. 128 с.

Кызласов Л. Р. История Тувы в средние века. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1969. 211 с.

Кызласов Л. Р. Древнехакасская культура чаа-гас VI–IX вв. // Археология СССР. Степи Евразии в эпоху средневековья. М., 1981. С. 46–52.

Кызласов Л. Р. История Южной Сибири в средние века. М.: Высш. шк., 1984. 167 с.

Кызласов Л. Р. Очерки по истории Сибири и Центральной Азии. Красноярск: Изд-во Краснояр. ун-та, 1992. 224 с.

Кызласов Л. Р. О присоединении Хакасии к России. Абакан: Изд-во Хакас. гос. ун-та, 1996. 64 с.

Кызласов Л. Р. Открытие государственной религии древних хакасов. Манихейский семинар. М.; Абакан, 1999. Вып. 1. 90 с.

Кызласов Л. Р., Король Г. Г. Декоративное искусство средневековых хакасов как исторический источник. М.: Наука, 1990. 216 с.

Кюннер Н. В. Китайские известия о народах Южной Сибири, Центральной Азии и Дальнего Востока. М.: Изд-во вост. лит., 1961. 392 с.

Малов С. Е. Енисейская письменность тюрок. Тексты и переводы. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1952. 114 с.

Малявкин А. Г. Материалы по истории уйгуров в IX–XII вв. История и культура Востока Азии. Новосибирск: Наука, 1974. Т. 2. 210 с.

Малявкин А. Г. Танские хроники о государствах Центральной Азии. Тексты и ис-

следования. Новосибирск: Наука, 1989. 432 с.

Митько О. А. Обряд трупосожжения у енисейских кыргызов // Этнокультурные процессы в Южной Сибири и Центральной Азии в I–II тысячелетии н. э. Кемерово, 1994. С. 207–227.

Митько О. А. Пластинчатые кресала прямоугольной формы в археологических памятниках Южной Сибири // Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Серия: История, филология. 2009. Т. 8, вып. 5: Археология и этнография. С. 218–227.

Нечипоренко В. Н., Скобелев С. Г. Колчаны и их принадлежности в памятниках юга среднего Енисея позднего средневековья // Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Серия: История, филология. 2003. Т. 2, вып. 3: Археология и этнография. С. 75–78.

Нечипоренко В. Н., Панькин С. В., Скобелев С. Г. Поздние луки среднего Енисея // Тр. гуманитарного факультета НГУ. Серия 2: Сборники научных трудов. Военное дело народов Сибири и Центральной Азии. Новосибирск, 2004. Вып. 1. С. 129–164.

Нечипоренко В. Н., Панькин С. В., Скобелев С. Г. Вотивные предметы в культуре енисейских кыргызов в позднем средневековье // Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Серия: История, филология. 2005. Т. 4, вып. 5: Археология и этнография. С. 81–87.

Николаев Р. В. Средневековые курганы близ железнодорожной станции Минусинск // СА. № 2. 1972. С. 198–205.

Николаев Р. В. Кыргызское погребение в Большемуртинском районе Красноярского края (К вопросу о движении тюркоязычных народов на север Сибири) // Археология Северной Азии. Новосибирск, 1982. С. 131–135.

Овчинникова Б. Б. Тюркские древности Саяно-Алтая в VI–X веках. Свердловск: Изд-во Урал. ун-та, 1990. 223 с.

Очерки истории Хакасии (с древнейших времен до современности) / Под ред. В. И. Молодина. Абакан: Изд-во Хакас. гос. ун-та, 2008. 672 с.

Патачаков К. М. Культура и быт хакасов в свете исторических связей с русским народом (XVIII–XIX вв.). Абакан, 1958. 104 с.

Патачаков К. М. Очерки материальной культуры хакасов. Абакан: Хакас. кн. изд-во, 1982. 87 с.

Плотников Ю. А. Рубящее оружие приртышских кимаков // Военное дело древ-

них племен Сибири и Центральной Азии. Новосибирск, 1981. С. 146–162.

Потапов Л. П. Краткие очерки истории и этнографии хакасов (XVII–XIX вв.). Абакан: Хакас. обл. гос. изд-во, 1952. 218 с.

Потапов Л. П. Очерки по истории алтайцев. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1953. 444 с.

Потапов Л. П. Происхождение и формирование хакасской народности. Абакан: Хакас. кн. изд-во, 1957. 308 с.

Потапов Л. П. Этнический состав и происхождение алтайцев. Историко-этнографический очерк. Л.: Наука, 1969. 196 с.

Рашид ад-Дин. Сборник летописей: В 3 т.; пер. с перс. М.: Науч.-изд. центр «Ладомир», 2002. Т. 2–3. 253 с., 340 с.

Савинов Д. Г. Сибирские реалии полувещных каменных изваяний // Археология юга Сибири и Дальнего Востока. Новосибирск, 1984. С. 115–122.

Савинов Д. Г. Археологические памятники завершающего этапа культуры енисейских кыргызов // Памятники кыргызской культуры в Северной и Центральной Азии. Новосибирск, 1990. С. 114–131.

Савинов Д. Г. Государства и культурогенез на территории Южной Сибири в эпоху раннего средневековья. Кемерово: Изд-во Кем. гос. ун-та, 1994. 215 с.

Скобелев С. Г. Подвески с изображением древнетюркской богини Умай // СА. 1990. № 2. С. 226–233

Скобелев С. Г. Позднесредневековый лук редкой формы с Енисея // РА. № 3. 1999. С. 175–180.

Скобелев С. Г. Археологические памятники позднего средневековья – начала Нового времени как отражение процессов этногенеза в среде коренного населения Северного Присаянья // Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Серия: История, филология. 2003. Т. 2, вып. 3: Археология и этнография. С. 106–122.

Скобелев С. Г. Створка пангии из погребения енисейского кыргыза позднего средневековья // Конфессии народов Сибири в XVII – начале XX веков: развитие и взаимодействие. Иркутск, 2005. С. 76–82.

Скобелев С. Г. Украшения и орнаменты в культуре населения среднего Енисея позднего средневековья и начала Нового времени // История и теория культуры в вузовском образовании. Новосибирск, 2006а. Вып. 3. С. 88–98.

Скобелев С. Г. Особенности методики поиска и изучения погребений позднего средневековья и начала Нового времени на юге Средней Сибири: Учеб.-метод. пособие. Новосибирск, 2006б. 59 с.

Скобелев С. Г. Христианство и манихейство у енисейских кыргызов в развитом и позднем средневековье // Сибирь на перекрестке мировых религий. Новосибирск, 2006в. С. 82–89.

Скобелев С. Г. Новая находка палаша в позднесредневековом кыргызском погребении на Енисее // Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Серия: История, филология. 2006г. Т. 5, вып. 3 (приложение 2): Археология и этнография. С. 150–176.

Скобелев С. Г. Характеристика комплекса вооружения коренного и русского населения Приенисейского края в XVII–XVIII веках, имеющего общее происхождение // Вооружение и военное дело кочевников Сибири и Центральной Азии. Новосибирск, 2007а. С. 155–169.

Скобелев С. Г. Сложение в XVII–XVIII веках единого комплекса предметов материальной культуры коренного и русского населения Приенисейского края // Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Серия: История, филология. 2007б. Т. 6, вып. 3: Археология и этнография. С. 255–265.

Скобелев С. Г. Южная Сибирь под властью монголов // Наука из первых рук. 2007в. № 1 (13). С. 52–59.

Скобелев С. Г. Предметное содержание русских влияний на материальную культуру коренного населения юга Приенисейского края в позднем средневековье – начале Нового времени (по данным археологии) // Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Серия: История, филология. 2009. Т. 8, вып. 3: Археология и этнография. С. 231–250.

Скобелев С. Г. «Городки» енисейских кыргызов в русских сообщениях XVII века и археологическая реальность // Археология, этнография и антропология Евразии. 2010а. № 3 (43). С. 92–98.

Скобелев С. Г. Демографические последствия завоевания Джунгарии войсками империи Цин // Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Серия: История, филология. 2010б. Т. 9, вып. 5: Археология и этнография. С. 219–235.

Скобелев С. Г., Выборнов А. В. Деревянные основы седел из поздних погребальных

памятников Среднего Енисея // Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Серия: История, филология. 2006. Т. 5, вып. 3 (приложение 2): Археология и этнография. С. 235–247.

Скобелев С. Г., Мандрыка П. В. Проблемы хронологии некоторых предметов из археологических памятников Евразии русского времени // Евразия: культурное наследие древних цивилизаций. Новосибирск, 1999. Вып. 2: Горизонты Евразии. С. 208–214.

Скобелев С. Г., Митько О. А. Погребения по обряду трупосожжения на реке Кача под Красноярском и их место в культурной традиции средневекового населения Енисея // Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Серия: История, филология. 2007. Т. 6, вып. 3: Археология и этнография. С. 212–220.

Скобелев С. Г., Рюмишин М. А. Новые материалы по длинноклинковому оружию енисейских кыргызов в развитом и позднем средневековье // Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Серия: История, филология. 2010. Т. 9, вып. 7: Археология и этнография. С. 144–154.

Тишкин А. А. Алтай в монгольское время (по материалам археологических памятников). Барнаул: Азбука, 2009. 208 с.

Худяков Ю. С. Вооружение енисейских кыргызов VI–XII вв. Новосибирск: Наука, 1980. 176 с.

Худяков Ю. С. Кыргызы на Табате. Новосибирск: Наука, 1982. 238 с.

Худяков Ю. С. Вооружение средневековых кочевников Южной Сибири и Центральной Азии. Новосибирск: Наука, 1986. 268 с.

Худяков Ю. С. Вооружение центральноазиатских кочевников в эпоху раннего и развитого средневековья. Новосибирск: Наука, 1991. 190 с.

Худяков Ю. С. Военное дело древних кочевников Южной Сибири и Центральной Азии. Новосибирск, 1995. 98 с.

Худяков Ю. С. Вооружение кочевников Южной Сибири и Центральной Азии в эпоху развитого средневековья. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1997. 160 с.

Худяков Ю. С. Средневековые культовые комплексы на памятнике Солян-Сеё // Древности Алтая. Изв. лаборатории археологии. Горно-Алтайск, 2000. № 5. С. 119–124.

Худяков Ю. С. Погребения качинцев в долине р. Табат // Этнографо-археологические комплексы. Проблемы культуры и социума. Новосибирск, 2002а. С. 85–99.

Худяков Ю. С. Топоры и секиры русского производства в памятниках коренного населения Южной Сибири позднего средневековья и Нового времени // Традиционная культура востока Азии. Благовещенск, 2002б. Вып. 4. С. 204–212.

Худяков Ю. С. О проникновении мировых прозелитских религий в Южную Сибирь в эпоху раннего средневековья // Сибирь на перекрестке мировых религий. Материалы межрегион. конф. Новосибирск, 2002в. С. 178–180.

Худяков Ю. С. Древние тюрки на Енисее. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2004. 152 с.

Худяков Ю. С., Баяр Д. Средневековый памятник в местности Нахиугийн-Манхан в пустыне Монгол Элс // Северная Азия и соседние территории в средние века. Новосибирск, 1992. С. 36–44.

Худяков Ю. С., Скобелев С. Г. Позднесредневековое шаманское погребение в могильнике Ортызы-Оба // Этнография народов Сибири. Новосибирск, 1984. С. 105–119.

Чжан Тайсян, Шомаев А. А., Скобелев С. Г. Енисейские кыргызы в Восточной Азии // Проблемы культурогенеза и культурное наследие. СПб., 1993. Ч. 3. С. 63–71.

Шерстова Л. И. Тюрки и русские в Южной Сибири: этнополитические процессы и этнокультурная динамика XVII – начала XX века. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2005. 312 с.

Skobelev S. G. Eski ve Cagdas Turklerde Umay Tanricasi Goruntusunun Parcalari ve Ikonografisi // Turkler. 3 Cilt. Ankara, 2002. 922–926.

Материал поступил в редколлегию 20.02.2011

S. G. Skobelev

**PEOPLES OF SOUTHERN SIBERIA IN ETHNO-CULTURAL
AND THE MILITARY-POLITICAL RELATIONS IN NORTHERN EURASIA
IN THE MIDDLE AGES AND EARLY MODERN TIMES:
THE MAIN PROBLEMS AND OBJECTIVES OF THE STUDY**

The peoples of Southern Siberia have played an important role in the ethno-cultural and political history of Northern Eurasia in the Middle Ages and early Modern times. It is in this region occurred on the territory of ancient Siberian State – Kyrgyz Khanate, which with 840, became the leader in the Northern Eurasia. Peoples of the region had a strong resistance to Mongol conquest in the XIII century. They have created a highly developed culture, including in the pre-Mongolian time with a significant role of agriculture. However, to date, many aspects of their history, archaeology and ethnography have not been studied or are controversial among researchers. In this article the analysis of such problems, outlined the main directions and tasks of their decision, which will determine the contribution of the peoples who inhabited the region in the history of world civilization, to clarify many of the currently existing concepts in science, primarily based on the thesis of cultural and civilizational backwardness of the population this territory.

Keywords: Northern Eurasia, Central Asia, Southern Siberia, the Middle Ages, New time, ethnic groups, culture and statehood, «nomadic world», history, archaeology, ethnography, role in the history of Eurasia.